

Модернизация в цивилизационном контексте

В.В. Алексеев

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

В условиях системного кризиса СССР конца XX в. был выдвинут тезис о том, что Россия выпала из мировой цивилизации. Его апологеты придерживаются этой точки зрения до сих пор. Прежде чем согласиться с ними или опровергнуть их, необходимо уяснить, что такое мировая цивилизация? Под ней чаще всего понимают т.н. «золотой миллиард», то есть те благополучные страны, где решены насущные проблемы человеческого существования. Насколько они действительно решены — вопрос специальный, особенно в ситуации нынешнего мирового экономического кризиса. Нас же интересует сущность этой цивилизации, которую нередко именуют индустриальным обществом. В действительности общество никак не может быть ни индустриальным, ни постиндустриальным, поскольку общество — категория не технологическая, а социальная. Другое дело, что в разных цивилизациях доминирует тот или иной способ производства материальных благ — аграрный, индустриальный, а со временем, может быть, и постиндустриальный.

Современная индустриальная цивилизация зародилась на рубеже XV–XVI веков в Западной Европе в результате модернизации — перехода от традиционного аграрного общества к современному индустриальному — и постепенно, особенно в условиях глобализации, распространилась по всей планете, став действительно мировой, но не вообще, а конкретно — индустриальной. Сегодня трудно найти страну, где бы не производилась промышленная продукция, что подтверждают широко известные факты и огромное количество статистических данных. Приводить их в кратком тексте не имеет смысла. Необходимо только подчеркнуть, что в нынешних условиях индустриализм является стержнем ведущих экономик мира и в значительной степени определяет стиль жизни населения большинства стран, причем нередко сильнее, чем национальные традиции и коды древних цивилизаций. Поэтому понятие «мировая индустриальная цивилизация»

лизация» шире и глубже, чем концепт локальные цивилизации, к числу которых относят российскую.

В данной статье ставится задача проследить в широком историческом диапазоне основные вехи вхождения России в мировую индустриальную цивилизацию, основные пути и методы решения индустриальных проблем, их результаты и значение для страны. Принято считать, что Россия фатально опоздала со своей модернизацией и включением в индустриальную цивилизацию. За точку отсчета российской модернизации берутся то пореформенная (60—80-е гг. XIX в.), то виттиевская (конец XIX — начало XX в.), то сталинская (30-е гг. XX в.) индустриализации. Опоздание, безусловно, имело место, но его причины кроются не только в российской ментальности, как утверждают некоторые зарубежные авторы, но и в конкретно-исторических условиях: длительное татаро-монгольское иго; поздний выход к морю, что тормозило диффузию индустриальных технологий; более тяжелые природно-климатические условия по сравнению с Западной Европой и отсюда недостаточность прибавочного продукта, необходимого для первоначального накопления капитала и создания промышленных производств; отсутствие колониальных финансовых вливаний.

А все-таки, когда же были сделаны первые реальные шаги на встречу индустриальной цивилизации в России? По крайней мере не в конце XIX — начале XX вв., а гораздо раньше — в петровскую эпоху. В самом начале XVIII в. на Урале по инициативе Петра I создается мощный по тому времени металлургический комплекс, обеспечивший не только свою страну, но и западный мир, в частности английскую промышленную революцию, высококачественным металлом. Конечно, это было преимущественно экзогенное развитие, хотя и с учетом опыта местных горных промыслов¹.

Уральский феномен не стоит упускать из виду при характеристике начального этапа модернизации (протоиндустриализации) России. Он наглядно демонстрирует особенности этого этапа. В то время как на Западе протоиндустриализация произрастала из мелкого товарного производства внутри сельских домохозяйств и способствовала накоплению капитала для будущих инвестиций в промышленность, а также готовила кадры для нее, на Урале в силу отсутствия таких условий она началась по инициативе и мощной поддержке государства. Металлургическая промышленность развивалась здесь не на зарождающейся капиталистической основе, как на Западе, а в недрах феодализма, крепостничества, но достигла невиданных высот. Причиной тому уникальные природные богатства (высококачественные руды, обилие леса, многочисленные реки, как источники гидравлической

энергии и сплава готовой продукции), дешевый труд крепостных, высокая конъюнктура на мировых рынках металла и, конечно же, поддержка государства.

В результате производилось большое количество высококачественного металла, интенсивно росли кадры металлургов, вплоть до потомственных мастеровых, причем с заметной модернизацией труда и быта, создавались города-заводы, которые соперничали с губернскими центрами по численности и уровню жизни населения, формировался не только внутренний рынок обмена промышленной и сельскохозяйственной продукцией, но и международный, вплоть до США. На рубеже XVIII—XIX вв. Россия за счет Урала по выплавке черных металлов вышла на первое место в мире, производя более трети мирового чугуна, и около четверти меди². Иными словами, шел реальный, но специфический модернизационный процесс, не поддающийся описанию в традициях либеральной историографии и не воспринимаемый ею. А напрасно, хотя бы потому, что идеализируемый в ней пресловутый европейский буржуазный индивидуализм присутствовал в феодальной уральской модернизации. Яркий пример тому — широко известные промышленники Демидовы, которых есть все основания сравнивать с германскими Круппами. Такие примеры не трудно умножить. Суть вопроса, видимо, не только в зашоренности разного рода «измами», но и в специфике России, которую «каршином общим не измерить».

Нечто подобное происходило на Алтае, в Забайкалье, да и в других местах России, но в меньших масштабах. В принципе страна входила в индустриальную цивилизацию, но удельный вес индустриального пока еще тонул в бескрайнем море аграрного сектора государства. Так продолжалось до буржуазных реформ 60-х гг. XIX в., которые дали новый импульс индустриальному развитию.

После отмены крепостного права в 1861 г. и буржуазных реформ 60—70-х гг., которые сняли самые крупные препятствия на пути модернизации России, ее индустриальное развитие резко ускорилося. В 1870—1913 гг. промышленное производство возрастало в среднем на 5% в год быстрее других стран Европы. Даже потребность в машинах и оборудовании к началу XX в. на одну треть обеспечивалась за счет внутреннего производства. Модернизация требовала интенсивного роста грамотности рабочих, в связи с чем правительственные расходы на начальное образование с 1896 по 1900 гг. увеличились в два раза, еще в два раза — в 1901—1907 гг. и в четыре раза с 1907 по 1914 гг.³ Крупные шаги под влиянием модернизации делала российская наука, особенно инженерная мысль. Принципиальные изменения цивилизационной значимости произошли в условиях труда и быта

населения, что требует специального изучения, но оно пока еще тормозится под влиянием господствующего мнения о дремучей отсталости российского общества той эпохи.

Отсталость, конечно, имела место, но вопрос заключается в том, чтобы реально оценить ее уровень. В 1913 г. российская промышленность давала только 20% национального дохода страны, в то время как в Великобритании и Германии на долю промышленности приходилось соответственно 43 и 44,7%. К 1914 г. лишь 14,6% населения Российской империи составляли горожане, только 22% были заняты вне аграрного сектора, тогда как в развитых странах Западной Европы удельный вес работающих вне сельского и лесного хозяйства превышал половину всего самостоятельного населения, а в Великобритании составлял 90%. Отставала Россия и по абсолютным объемам промышленного производства. По стали отставание от Германии составляло 4 раза, от Великобритании — 1,8 раза⁴. Можно приводить множество и других показателей отсталости, которыми особенно изобилует литература по предпосылкам Октябрьской революции, но в этом нет необходимости в связи с их широкой известностью. Более того, уровень отсталости нередко преувеличивался. Долгие годы с легкой руки В.И. Ленина, опиравшегося на материалы 1880-х гг., Урал объявлялся «символом технической отсталости» вплоть до 1917 г., тогда как в начале XX в. техническая база его металлургии была кардинально обновлена.

Конечно, Россия двигалась в сторону индустриальной цивилизации, но на первые десятилетия XX столетия все-таки оставалась преимущественно аграрной державой. В чем причины, тормозившие это движение? Недостатка в их объяснении нет, но не со всеми легко согласиться. Больше всего обвинений сыплется на царизм, который, безусловно, виноват, что априори понятно, поскольку он являлся главным атрибутом традиционного аграрного общества и защищал его интересы, проводил модернизации не ради замены феодального строя, а ради его укрепления. Но почему ни Государственная Дума, ни Временное правительство после его падения даже не начали менять ситуацию? Видимо потому, что в стране не существовало достаточно мощной социально-политической силы, которая могла бы подтолкнуть к этому, не было крупного, как на Западе, актора модернизационного процесса.

Между тем, необходимость обеспечения безопасности страны, имперские амбиции требовали ускоренной индустриализации для создания надежной оборонной промышленности, но времени для накопления необходимых капиталов не было. Ограниченная платежеспособность бедного населения слабо способствовала этому. Пришлось

обращаться к иностранным заимствованиям. В 1900 г. 45% всех капиталовложений в российскую индустрию были иностранными. Получалось так, что стремясь к политической независимости, страна усиливала свою экономическую зависимость от своих противников⁵.

Накопившиеся издержки российской имперской индустриализации, несовместимые с задачами подлинной модернизации, до крайности обострились в годы Первой мировой войны, когда борьба за ресурсы и рынки сбыта привела к переделу мира. К тому времени передовые страны Европы и США вошли в мировую индустриальную цивилизацию, а Россия в основе своей оставалась традиционным обществом. В этом принципиальное отличие ее истории и главная причина последующих трагедий.

Великая держава поначалу стала добычей своих более успешных соперниц, а затем взорвалась изнутри очередной смутой. Если предшествующие смуты были обычным явлением традиционного общества, то эта носила межцивилизационный характер, что и продемонстрировали Первая мировая война, а также последующая за ней Российская революция, которая едва не переросла в мировую. С учетом развала Австро-Венгерской, Османской империй и других стран преимущественно аграрной ориентации можно говорить о столкновении доиндустриальной и индустриальной цивилизаций в начале XX в., а не в его конце, как это делает С. Хантингтон. Правда, он пишет о локальных, а не о глобальных цивилизациях. Первые же к началу XXI в., с нашей точки зрения, уже потеряли свою консолидацию и былой динамизм. Если и говорить о столкновении цивилизаций сегодня, то опять-таки между высокоиндустриальной и полутрадиционной, которая еще не исчерпала себя до конца и имеет значительные природные ресурсы, так необходимые сегодня человечеству. Впрочем, данный вопрос из области мировой геополитики и требует специального изучения.

Теперь обратимся к исторической конкретике. Россия, да и другие страны аграрной ориентации проиграли Первую мировую войну по многим причинам, о чем написано немало, но главная, все-таки, заключалась в слабости индустриальной базы для производства современных по тем условиям вооружений. По поводу революционности существует множество точек зрения, но очевидно, что за ней в первую очередь стоят опять-таки экономические факторы. Русская революция имела массу причин, но результирующей все-таки стала перезревшая потребность в модернизации, которую пыталась форсировать нарождающаяся буржуазия, напрягая и без того перенапряженное общество, дезориентированное внутренней и внешней пропагандой.

Вступая в XX в. Россия не только не создала необходимую индустриальную базу, но и не имела конкретной программы действий в этом направлении. Затянувшиеся споры западников и славянофилов вращались преимущественно вокруг общественно-политических и культурологических проблем, практически не касаясь технологических новаций. Продолжатели спора — народники, исповедовавшие теорию аграрного (крестьянского) социализма, не видели особых перспектив для крупной промышленности в России. Их противники — социал-демократы — признавали значимость индустрии, но рассматривали ее прежде всего сквозь призму формирования рабочего класса и его классовой борьбы на пути к социализму. Самодержавная власть не препятствовала развитию промышленности, но и не ставила ее в основу экономики страны. Сложившееся положение кардинально не меняли реформы С.Ю. Витте, тем более П.А. Столыпина. В итоге страна обрекалась на дальнейшее отставание от индустриальной цивилизации, что ставило под вопрос ее независимость.

После поражения в мировой войне, крушения в ходе революции и гражданской войны экономики страны перед новой властью встал вопрос: что делать дальше? Сложность его решения заключалась в том, что, с одной стороны, большевики уничтожили феодальные пережитки, тормозившие модернизационный переход, а с другой, отвергли лежащий в основе индустриальной цивилизации капиталистический уклад. Ратуя за социализм, они не отдавали себе отчет в том, что отсталая страна к нему не готова, но и звать назад к капитализму тоже не могли. Поэтому был взят курс на мировую пролетарскую революцию, который вскоре провалился.

Вот тогда-то в среде большевиков и развернулись острейшие дискуссии о том, как из аграрной страны сделать индустриальную и тем самым преодолеть ее отсталость, закрепить новый режим, защитить его от посягательств извне. В ходе идейных баталий и последующих репрессий погибли тысячи партийных лидеров разного уровня и миллионы ни в чем не повинных беспартийных граждан. Победила линия на ускоренную модернизацию страны, которая при всех народных бедствиях отвечала насущным интересам государства и на три четверти века стала генеральной стратегией новой России. В отличие от капиталистической советская модернизация проводилась под знаменем социального равенства, светлого будущего, именуемого социализмом.

На основе мобилизации всех материальных и духовных ресурсов нации, использования чрезвычайных мер по достижению поставленных целей, не считаясь с тяжелейшими условиями существования народа, разорением деревни ради первоначального накопления капита-

ла для индустриального развития, Советский Союз добился впечатляющих успехов на пути достижения индустриальной цивилизации. В результате первых двух пятилеток (1929—1937 гг.) уровень промышленного производства 1913 г. был перекрыт в 8,2 раза. Если по объему валовой продукции промышленности дореволюционная Россия занимала пятое место в мире, а ее доля в мировом промышленном производстве составляла 2,6%, то СССР к концу второй пятилетки вышел по объему валовой продукции на первое место в Европе и второе место в мире, его удельный вес в промышленности всего мира достиг 13,7%. В 1937 г. на промышленное производство приходилось 77,4% общей стоимости народно-хозяйственной продукции⁶. Накануне первой пятилетки рабочие и служащие составляли 17,6% населения страны, а в 1939 г. уже 50,2%⁷. Вышеприведенные цифры советской статистики, возможно, нуждаются в уточнении, но их порядок убедительно доказывает принципиальные изменения в экономической и социальной структуре государства, что свидетельствует о крупных шагах на пути модернизации России, переходе от традиционного общества к индустриальной цивилизации. Такой прорыв необходимо оценить по достоинству, поскольку он имел принципиальное, судьбоносное, историческое значение для страны накануне Второй мировой войны. Альтернативы ему не было.

Вместе с тем следует учесть и его негативные последствия для будущего страны. Прежде всего это разорение деревни и вместе с тем сохранение многих пережитков традиционного общества, таких как архаичное проявление общинных традиций, уравнилельность, деспотизм, предрасположенность к простому малоквалифицированному труду, примитивизм потребностей, низкая эффективность производства и невысокое качество продукции, которые мешали индустриальной цивилизации, но были поставлены большевиками на службу модернизации.

Вторая мировая война, с одной стороны, убедительно доказала необходимость индустриализации страны, а, с другой стороны, привела к гибели многих ее достижений, которые предстояло восстановить. Кроме того, возникла потребность нового индустриального рывка в условиях набирающей силу научно-технической революции. Разоренной войной России пришлось решать сразу две новые капиталоемкие задачи: выхода на принципиально иной уровень технологий и значительного подъема благосостояния населения, обездоленного советскими преобразованиями и кровопролитной войной. И все это в ситуации гонки вооружений между США и СССР.

Новый этап модернизации оказался трудным, но не менее результативным, чем предшествующий. Он был глубже технологически и

благотворнее для народа. Экономический рост хотя и замедлился по сравнению с первыми пятилетками, оставался устойчивым и динамичным. Его темпы в 50–60-е гг. составляли 7–10% (6–8% с учетом скрытого удорожания продукции) за год, заметно превышая соответствующие показатели большинства развитых стран Запада⁸. В СССР строились крупные заводы, мощные электростанции типа всемирно известных Братской и Саянской ГЭС, были получены беспрецедентные достижения в области атомной энергии, ракетно-космической техники. Он достиг военно-стратегического паритета со своим главным соперником – США. Страна стала одной из двух держав мира (наряду с США), способных производить любой вид промышленной продукции, доступный в данное время человечеству. Тем самым, было преодолено стадильное отставание от передовых индустриально развитых держав планеты. В 1960 г. доля СССР в мировом промышленном производстве составляла 19,6%⁹.

Под влиянием модернизации шли значительные изменения в социально-демографической сфере. В 1960 г. произошло выравнивание численности городского и сельского населения СССР. К концу века по сравнению с его началом доля населения, занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80 до 20%. Состоялся скачок в качестве жизни, что привело к резкому росту ее продолжительности. К началу 60-х гг. XX в. она в среднем достигла 70 лет, что соответствовало уровню высокоразвитых стран того времени, тогда как в начале века составляла 32 года.

Постепенно во второй половине XX в. в индустриальной системе СССР стали нарастать трудности, диспропорции, снижение темпов роста и эффективности производства. Главные причины заключались в догматическом, недостаточно квалифицированном подходе к экономике, которая в развитых странах переходила на новые рельсы; сбоях в советской мобилизационной и плановой системе; сырьевой направленности экономики; неэффективном использовании НТР; неспособности превращения науки в непосредственную производительную силу; сохранении оставшихся пережитков традиционного общества; торможении механизма социокультурной мотивации труда, гонке вооружений, разоряющей СССР; растрате огромных средств на поддержку ненадежных союзников. К тому же, с конца 60-х гг. стал нарастать кризис мировой индустриальной системы, не воспринимаемый в СССР, хотя растущее противоречие между индустриальным развитием и окружающей средой давало о себе знать и здесь, что фактически роднило противостоящие друг другу мировые системы – капитализм и социализм. Если попытаться эти разнохарактерные процессы соотнести со стадиями развития индустриальной цивилизации, то получится,

что к концу 70-х гг. на долю доиндустриального и раннеиндустриального труда в СССР приходилось 35%, развито индустриального — 52%, научно-индустриального — 15%¹⁰. Следовательно, модернизация явно пробуксовывала.

Горбачевская перестройка и либеральные реформы не исправили положения, не способствовали завершению модернизационного перехода, а привели к откату назад по многим принципиальным позициям. Популистский курс на постиндустриальное общество без каких-либо серьезных предпосылок и реальных действий привел к демодернизации, гибели половины индустриального потенциала страны, в том числе и, пожалуй, прежде всего тех отраслей и предприятий, которые могли стать очагами новой модернизации. В немалой степени этому способствовал развал Советского Союза, поскольку он ускориł разрыв хозяйственных связей между субъектами экономики, не говоря уже о гигантском дефиците ресурсов и отсутствии социального субъекта подлинной, а не декларативной модернизации. В результате позднеиндустриальная модернизация в России оказалась незавершенной, без чего невозможно оставаться великой державой в современном мире.

Подводя итоги можно утверждать, что движущей силой мировой индустриальной цивилизации является технологический прогресс, обеспечивающий бурный рост основных показателей социально-экономического развития. За последние 500 лет население планеты возросло в 14 раз, мировой ВВП — в 149,8 раза, а ВВП на душу населения — в 10,7 раз. Пиком таких показателей был XX век, особенно 1950–1973 гг., когда среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения земли достигали 2,92% — в 58,4 раза больше, чем в 1500–1820 гг.¹¹ Удручающими на этом фоне выглядят показатели России. Ее доля в населении мира сократилась с 4,6% в 1900 до 2,4% в 2000 г., удельный вес в мировом ВВП упал с 5,79% в 1900 до 2,1% в 2000 г., а в мировом промышленном производстве уменьшился с 9,1% в 1900 г. до 4,4% в 2000 г.¹² Первое крупное падение роли промышленного производства (с 8,9% до 7,9%) и ВВП (с 6,18 до 5,5%) произошло в 1913–1929 гг., соответственно второе (с 10,3 до 4,4%) и (с 5,57 до 2,10%) в 1990–2000 гг.¹³ В том и другом случаях это было связано с грубым нарушением базовых кодов локальной Российской цивилизации.

Не входя в апологику индустриализма, не переоценивая и недооценивая российскую модернизацию, приходится считаться с тем фактом, что она все-таки стала реальностью отечественной истории. Одни авторы видят в ней «имперскую модель», другие — «консервативную», третьи — «псевдомодернизацию», четвертые — «деархаиза-

цию» и т.д. При всех этих экзотических наименованиях очевидно одно — Россия вступила в прошлое столетие традиционной, аграрной страной, а вышла из него индустриальной державой. Такой итог дался очень дорогой ценой и оставил много нерешенных проблем. А могло ли быть иначе? По всей вероятности нет, учитывая природно-климатические и исторические условия.

Характерно, что царская и советская модернизации, несмотря на принципиальные отличия политического строя, имели много общего, что относится к характеру власти, уровню эксплуатации трудящихся и их материально-бытовому положению, рекрутированию в заданных целях духовного ресурса общества. Если при царе господствовало самодержавие, то при большевиках — тоталитаризм. Условия труда и материально-бытовое положение трудящихся значительно улучшились, но оставались на низком уровне по сравнению с первенцами индустриальной цивилизации (Англия, Бельгия, Франция, США и др.), а в отдельные периоды (после гражданской войны, во время Великой Отечественной войны и сразу после нее) были невыносимо тяжелыми. На смену православной духовности пришла коммунистическая, которые долго боролись, но в конечном итоге служили одной цели — укреплению державности любой ценой. Оставалось немало элементов традиционного общества: отголоски общины в коллективизации, советы как вечевая (сход) форма управления, культ отца отечества, аскетизм и др.

Существуют и другие обстоятельства, которые обычно не учитываются при истолковании российской модернизации. Это глубоко укорененный традиционализм национального сознания, замедленный переход общества и конкретного человека из одного цивилизационного состояния в другое. Одно дело западноевропейцы, начавшие модернизационный переход 500 лет назад, другое дело русские, которые вплотную приступили к этому 350 лет спустя. Попробуйте сегодня, уже после многочисленных социальных трансформаций влопыхах, по боевой тревоге, пересадить северного аборигена с оленьей упряжки за штурвал самолета или тем более космического корабля. Ничего хорошего из этого не получится, так же как это было со вчерашним многовековым пахарем, пришедшим на советский механический завод в годы первой пятилетки.

Дело в том, что для глубокой социальной и психологической адаптации требуется много времени, а у россиян его никогда не было в запасе. То же самое происходит и сейчас, в либеральную эпоху, когда их, едва освоивших второй-третий технологический уклад, пытаются экстренно втащить в пятый-шестой. Время, деньги на подготовку (и немалые) требуются для этого. Пора понять простую истину и не погонять, очертя голову, загнанную лошадь российской истории то ка-

питалистическим, то социалистическим, то либеральным хлыстом. Необходимы хотя бы минимальное время для созревания новых форм бытия и разумные переходные формы к нему.

К числу негативов разных этапов российской модернизации приходится отнести огульный подход к новациям, неумелое их сочетание с национальными традициями, неуважительное отношение к вкладу предшествующих поколений, очернение их лидеров, без оглядки на те обстоятельства, в которых они принимали конкретные решения. Начало этому положил Петр I, бездушно расправившийся с боярской оппозицией, продолжили большевики кавалерийской атакой на имперскую Россию, эстафету принял Хрущев, вытряхнув Сталина и его соратников из мундиров победителей во Второй мировой войне, а завершил Ельцин, перечеркнув в угаре популизма достижения страны в XX веке. Поэтому, что можно спросить с нынешнего поколения, воспитанного на неуважении национальных традиций и проклятии отечественных гробов? Стреляя из ружья в прошлое, получаем пушечное эхо в будущем.

Не все просто и с мировой цивилизацией. Как ее интерпретировать в условиях современного экономического кризиса? Это крах индустриальной цивилизации, как пишут некоторые, или лопнувший пузырь постиндустриального общества, надутый банковскими спекуляциями? Как объяснить нынешнюю озабоченность властей сохранением реального сектора экономики и увеличения численности рабочих мест? Почему ожесточается международная борьба за источники сырья и энергии для индустриального развития? Вразумительные ответы на эти вопросы, по всей вероятности, могут дать только итоги кризиса, которому не видно конца.

Примечания

1. См. подробнее: Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008.
2. Там же. С. 354.
3. Красильщиков В.А. Вдгонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 38—39.
4. Там же. С. 40.
5. Там же. С. 42.
6. История советского рабочего класса. М., 1987. Т. 2. С. 426—427.
7. Там же. С. 199.
8. Белоусов А. Становление советской индустриальной системы // Россия. XXI век. 2000. № 3. С. 42.
9. Кузык Б.Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М., 2008. С. 273.
10. См.: Красильщиков В.А. Указ. соч. С. 179.
11. Кузык Б.Н. Указ. соч. С. 391.
12. Там же. С. 273.
13. Там же.